

Булат Окуджава говорил, что у него два дня рождения: свой (9 мая) и пушкинский. Давид Самойлов считал, что его с Окуджавой поколение поэтов — «из поздней пушкинской плеяды». А сам Пушкин полагал, что читать его в России будут, пока «жив будет хоть один пиит». Празднуя двухсотлетие Пушкина, мы помним и всех поэтов его плеяды. Сегодня мы впервые опубликовали (см. стр. 1) сделанную почти два десятилетия назад реконструкцию одного пушкинского стихотворения (автор ее — Валентин Берестов) и подлинный текст знаменитых стихов Давида Самойлова «Пестель, поэт и Анна». (Вместо растроганной строки «На гения отыщется злодей» Самойлов читал совсем другой стих с той же рифмой. Сегодня мы впервые восстанавливаем авторский, неподцензурный вариант.) С днем рождения, Александр Сергеевич!



Новая газета. — 1999 — 31 мая — ватикан. — с. 23.

Умеренный пессимист Н. В. Гоголь давал России двести лет на то, чтобы наладить массовое воспроизводство Пушкиных. Исторический оптимист А. С. Пушкин надеялся лишь на улучшение российских дорог, да и то «лет через пятьсот». Двести лет прошли. Иностранцы по-прежнему считают бездорожьем даже асфальт наших столиц, зато обочины Садового кольца украсили шиты с Пушкиным и супругой генерала Ланского. И братва из затененных джипов удостоверилась: поэт авторитетно желал своим корешам не терять духа «в мрачных пропастях земли», то есть на зоне.

Идея каталога чернил об-суждалась в курилке Пушкинского дома уже лет десять, но в государственную пушкинскую программу не попала. Так что X главу «Онегина» до следующего круглого юбилея вряд ли кто прочтет.

Пока Бог милował. Но трубы уже прорывало.

Еще о рукописях. В тетра-дах Пушкина видны корешки от вырванных (большой частью по соображениям их опасности) листов. Но те листы, которые были в контакте с уничтожен-ными, хранят бесценную ин-формацию о не дошедших до нас произведениях поэта.

По неразличимым для глаза продавам бумаги и по микроча-

сти прошлого века, находится вентиляция система. Попав в нее, единственная искра спо-собна поджечь все здание сразу с четырех его углов.

При всеобщем пушкиниан-стве даже странно, что пушки-нистика все-таки еще жива.

Вышел по-русски набоков-ский комментарий к «Онегину» и два из четырех томов «Мате-риалов к летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (текст подготовлен Евгением Гарбер), к осени московское из-

Сначала он объяснил, что за пушкинским выражением «лестница чувств» стоит секрет русской национальной художе-ственной формы. Пушкин от-крыл лестницу чувств, слушая народные песни, и применил это свое открытие в «Онегине». (Подробнее см. «Новую газету», № 12 за 1998 год.)

Потом Берестов показал, что якобы записанная Пуш-киным в Михайловском песня «Как за церковью, за немец-кою...» — стихи самого Пуш-кина. Причем одни из последних, написанные уже в квартире на Мойке, из окон которой была видна Немецкая лютеранская церковь.

Признаемся: Пушкина мы профукали. Отдали имиджей-керам, а значит, отняли у Рос-сии. Потому что народные око и ухо отворачиваются от всего, к чему прикасаются телеинже-неры человеческих душ и чи-новники.

Сегодня Пушкин — не бо-лее чем лакмусовая бумажка на-шего культурного, а следова-тельно, национального ничто-жества. А покраснела бумажка не вчера: советская власть по-любила Пушкина еще в legen-дарном тридцатом седьмом. Дешевых изданий Пушкина на прилавках нет. Зато полно околупушкинской порнухи, для продажной убедительности вы-данной, естественно, за творе-ния самого поэта.

Новое Академическое со-брание сочинений, подготов-ленное Пушкинским домом, убито безграмотной перелицов-кой старого, спешно выпущен-ного одним московским изда-тельством. На то была причина: Президент РФ, ложась в ЦКБ, смог подписать предисловие к этому изданию. Так, с ишемич-еским рубцом в виде даты, оно и вышло. От хозяина страны не отстал и ее тогдашний премьер, хотя в больницу вроде бы не собирался. (Еще одно загублен-ное собрание сочинений.) Даль-ше в гонку включились хозяева концернов и издательских до-мов, все, кому тоже хочется иметь «своего Пушкина».

Издают издранное, а назы-вают «Весь Пушкин». (Книж-ники шутят, что на очереди — «Мера-Пушкин», «Чудь Пуш-кин» и «Со всем чуть-чуть Пуш-кин».) Наиграются они быстро. Да уже почти наигрались. И теперь до следующего юбилея будут воротить носы: ну кто вспоми-нает уже отработанный мероп-риятие?!

Меж тем до сих пор полно-стью не изданы факсимильно рукописи и рисунки поэта. Нет их и в Интернете, потому что в Пушкинском доме напряженка с компьютерами да и вообще нет денег. Зарплата хранителя рукописей Пушкина — 450 руб-лей.

Пушкинские рукописи по-прежнему хранятся в комнате-сейфе бывшей петербургской таможни. Уже несколько деся-тилетий академик Лихачев до-казывает: случись здесь пожар, погибнет весь рукописный Пушкин. Пушкинский дом гор-ит за полчаса, ведь внутри стен, введённых в первой тре-

А ВСЕ-ТАКИ ЖАЛЬ, ЧТО ВСЕ МОЖНО С АЛЕКСАНДРОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ

стицам чернил в будущем мож-но будет прочесть еще сотни, а то и тысячи пушкинских строк. В середине 80-х Натан Эй-дельман попросил меня узнать у криминалистов: есть ли науч-ные способы разобрать то, что было написано на втором листе с пушкинским шифром X главы «Онегина»?

Дело в том, что второй, еще не высохший лист поэт положил под первый, и на обороте перво-го отпечаталась несколько строк. Криминалисты тогда лишь развели руками: это пока не в наших силах. И мой друг, жур-налист из «Комсомолки», свел меня с учеными из одного секр-етного НИИ. Чем занимался этот институт, я, естественно, не знаю и сегодня. Но для при-мера мне было сказано, что по сперме морских ежей эти люди могут определить класс про-шедших мимо атомных подвод-ных лодок «потенциального противника».

Ученые, тогда еще молодые люди, тут же нашли способ вос-становить утраченный текст. Они сказали, что вырастят био-культуру, которая будет питать-ся только орешковыми черни-лами и которую они нанесут на обратную сторону листа с шиф-ром X главы.

— Если хочешь, можем сде-лать так, что она будет фосфо-ресцировать, и строки сами за-светятся на листе... Правда, в зеркальном изображении...

— Спасибо, а потом ваш «грибок» переползет на другие рукописи и, съев Пушкина, примется за Толстого?

Условились, что положим, когда возможно будет получить информацию неконтактным методом.

Этот метод — спектрограм-ма. Так определяют химический состав дальних звезд.

Если две спектрограммы со-впадут, значит, чернила из од-ного пузырька. А поскольку Пушкин некоторые свои записи сам датировал, можно опреде-лить год, а то и месяц создания недатированных текстов.

Только после этого тексто-логам и стоит приступать к со-ставлению Академического со-брания сочинений Пушкина.

дательство «Русский путь» на-мерно отпечатать уже готовый первый том «Онегинской эн-циклопедии» (автор проекта — Наталья Михайлова).

Сказано: **Пока в России Пушкин глится, Метелям не загудеть свечу.**

Может, и так. Но времен-ами ее пламя вовсе неразлично, еще в тридцатых Владислав Ходасевич собирался засесть за биографию Пушкина.

Нет смог. Нет такой книги и сегодня, хотя попытки написать ее дела-ются каждое десятилетие. Но пока все это вариации на тему «мой Пушкин».

И потому биографию Пуш-кина пишут (коллективно) рус-ские поэты. Подчас одно-единственное наблюдение бывает оплачено опытом всей жизни.

Павел Антокольский дога-дался, почему в «Онегине», употребляя английское слово vulgar, Пушкин жалуется, что не может его перевести. Хотя сам и уточняет, что оно годится в эпитграмме. Да потому что уже перевел и нашел рифму: вульга-рен — Булгарин.

И всего одно утро поэта восстановил Давид Самойлов. В кишиневском дневнике Пушкина за 1821 год читаем:

«9 апреля, утро провел я с Пестелем, умный человек во всем смысле этого слова... Дал-ее по-французски фраза Песте-ля: «Сердцем я материалист, но мой разум этому противит-ся». И после нее: «Мы с ним имели разговор метафизичес-кий, политический, нравствен-ный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»

Вот, собственно, и все, что нам известно о беседе Пестеля и Поэта. (Что за этой горсткой слов пушкинского дневника увидел Самойлов, читатель раз-глядит без моей помощи.)

Валентин Берестов говорил, что в пушкинистике сегодня почти невозможны мелкие от-крытия. Только — крупные. И сам несколько раз блистательно подтвердил это.

Как за церковью, за немецкою, Добрый молодец богу молится: Как не дай боже хорошу жену, — Хорошу жену в честной пир зовут, Меня молодца не примолвли. Мологу жену — в новы саночки, Меня молодца — на запяточки, Мологу жену — на широкий двор, Меня молодца — за вороточки.

К слову «примолвли» поэт ставит сноску: «пригласили».

Это очень страшные стихи: «честной пир» — царский. Ко-гда «молоду жену» Наталью Ни-колаевну звали в Аничков дво-рец, Пушкина нередко забыва-ли «примолвить». Или же он, как арап на запяточках кареты, провожал жену лишь до дверей, поскольку выяснилось, что по-эту (и только ему одному) не сообщили форму одежды.

Это не Харме. Это Россия. В 80-х Берестов потряс меня еще одним новым пушкинским текстом. Написать работу о нем Валентин Дмитриевич не успел. Но подарил мне машинописный листок со своей реконструкцией пушкинского стихотворения.

Он просто мысленно соеди-нил два отрывка, сохранившихся в бумагах поэта, а от себя доба-вил лишь два слова, чтобы запо-лнить пропуск в одном из стихов.

Самое ценное, что есть в стихах Пушкина, — это, навер-ное, их интонация.

Ее-то и восстановил Берес-тов. И строки, которые от дли-тельного телеупотребления ста-ли почти никакими, вдруг обре-ли дыхание.

Были пафосными и декла-ративными, возродились про-зительными и человеческими.

Что ж, говорил же Самой-лов, что ремесло поэта — про-тирать слова, как протирают стекло, и возвращать им перво-родную прозрачность.

...А любовь к крупным юбиле-ям — слабость круглых дураков.

● Андрей ЧЕРНОВ

Давид САМОЙЛОВ

ПЕСТЕЛЬ, ПОЭТ И АННА

Там Анна пела с самого утра
И что-то шила или вышивала.
И песня, долетая со двора,
Ему невольно сердце волновала.

А Пестель гумал: «Ах, как он рассеян!
Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
Но, впрочем, что-то есть в нем, что-то есть.
И молог. И не станет фарисеем». Он гумал: «И конечно, расцветет
Его талант при должном направленье,
Когда себе Россия обретет
Свободу и достойное правленье». — Позвольте мне чубук, я закурю.
— Пожалуйте огня.
— Благодарю.

А Пушкин гумал: «Он весьма умен
И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
Но времена для брутов слишком круты.
И не из брутов ли Наполеон?»

Шел разговор о равенстве сословий.
— Как всех равнять? Народы так бедны, —
Заметил Пушкин, — что и в наши дни
Для равенства достойных нет условий.
И потому дворянства назначение —
Хранить народа честь и просвещение.
— О, да, — ответил Пестель, — если трон
Находится в стране в руках деспота,
Тогда дворянства первая забота
Сменить основы власти и закон.
— Увы, — ответил Пушкин, — тех основ
Не пожелает разве Пугачев...
— Мужицкий бунт бессмыслен... —

За окном
Не умолкая распевала Анна.
И пахнул двор соседа-молдавана
Бараньей шкурой, хлевом и вином.
День наполнялся нежной синевой,
Как ведро из бездонного колодца.
И голос был высок: вот-вот сорвется.
А Пушкин гумал: «Анна! Боже мой!»

— Но, не борясь, мы потакаем злу, —
Заметил Пестель, — бережем тиранство.
— Ах, русское тиранство — дилетантство,
Я бы учил тиранов ремеслу, —
Ответил Пушкин.

«Что за резвый ум, —
Подумал Пестель, — сколько наблюдений
И мало основательных идей». —
Но тупость рабства сокрушает гений!
— В политике кто гений, тот злодей, —
Ответил Пушкин.

Впрочем, разговор
Был славный. Говорили о Ликурге,
И о Солоне, и о Петербурге,
И что Россия рвется на простор.
Об Азии, Кавказе и о Данте,
И о движенье князя Ипсиланти.

Заговорили о любви.

— Она, —
Заметил Пушкин, — с вашей точки зренья
Полезна лишь для граждан умножения
И, значит, тоже в рамки введена.
Тут Пестель улыбнулся.

— Я душой
Материалист, но протестую разум. —
С улыбкой он казался светлоглазым.
И Пушкин вдруг подумал: «В этом соль!»
Они простились. Пестель уходил
По улице развезженной и грязной,
И Александр, разнеженный и праздный,
Рассеянню в окно за ним следил.
Шел русский Брут. Глядел вслед ему
Российский гений с грустью без причины.

Деревья, как зеленые кувшины,
Хранили утра хлад и синеву.
Он эту фразу записал в дневник —
О разуме и сердце. Лоб наморщив,
Сказал себе: «Он тоже заговорщик.
И некуда податься, кроме них».

В соседний двор вползла каруца цугом,
Залаял пес. На воздухе упругом
Качались ветки, полные листвой.
Стоял апрель. И жизнь была желанна.
Он вновь услышал — распевает Анна.
И задохнулся:
«Анна! Боже мой!»

1965

Пушкин а.с.

06.06.99